

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.А. Верхотурова

ФАКТОР НАБЛЮДАТЕЛЯ В ЯЗЫКЕ НАУКИ

**ИРКУТСК
2008**

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутского государственного лингвистического университета

ББК 81

Верхотурова Т.Л.

ФАКТОР НАБЛЮДАТЕЛЯ В ЯЗЫКЕ НАУКИ [Текст]: монография / Т.Л. Верхотурова. — Иркутск: ИГЛУ, 2008. — 289 с.

Научный редактор: доктор филологических наук, профессор
А.В. Кравченко (Байкальский государственный
университет экономики и права)

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор
И.К. Архипов (Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена);
доктор филологических наук, профессор
А.М. Каплуненко (Иркутский государственный
лингвистический университет)

Монография посвящена одному из востребованных понятий современного научного дискурса – наблюдателю. В работе предлагается лингвофилософский анализ онтологического, эпистемологического и методологического (лингвистического) статусов этой категории. Наблюдатель исследуется в каузальном взаимодействии с такой фундаментальной категорией как «картина мира» в ее различных ипостасях и формах. Предлагается расширенная интерпретация наблюдателя в функции аналитического инструмента семантического анализа.

Для лингвистов и филологов широкого профиля.

ISBN 978-5-88267-272-9

© Т.Л. Верхотурова, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
-----------------------	----------

ЧАСТЬ 1
НАБЛЮДАТЕЛЬ В ОБЩЕНАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

ГЛАВА 1
ФЕНОМЕН НАБЛЮДАТЕЛЯ КАК МЕТАКАТЕГОРИИ

1.1. Категория «картина мира» в языковом аспекте.....	14
1.2. Лингвистический статус научной картины мира (к вопросу об объективности)	27
1.3. Метакатегории языка науки	34
1.4. Наблюдатель как метакатегория в философии науки	43

ГЛАВА 2
ОТ СУБЪЕКТА ВОСПРИЯТИЯ К НАБЛЮДАТЕЛЮ

2.1. Восприятие в эпистемологических концепциях.....	53
2.1.1. Психологический аспект восприятия	54
2.1.2. Философский аспект восприятия	58
2.1.3. Лингвистические аспекты восприятия	67
2.2. Субъект восприятия vs. Наблюдатель	78
2.2.1. Понятийная вариативность категории «субъект».....	78
2.2.2. Предпосылки и причины становления метакатегории «наблюдатель» в научной картине мира	87

ЧАСТЬ 2
МЕТАКАТЕГОРИЯ «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА

ГЛАВА 3
МЕТАКАТЕГОРИЯ «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ИЕРАРХИИ РОДСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

3.1. Методология лингвистической интерпретации метакатегории «наблюдатель» (к понятиям категории и концепта)	91
---	----

3.2. Понятие «наблюдение» в научной картине мира	93
3.3. Концепт «наблюдение» в обыденной картине мира	100
3.3.1. Деривационная база имени концепта «наблюдение» в русском языке.....	100
3.3.2. Деривационная база имени концепта «наблюдение» в английском языке.....	111
3.3.3. Семантика и текстовый контекст имени концепта «наблюдение/observation»	113
3.4. Когнитивная модель ситуации наблюдения	117
3.5. Наблюдатель в концепции У. Матураны	124
3.6. Концепт «наблюдатель» в обыденной картине мира.....	131
3.7. Концепт «наблюдатель» в научной картине мира	133

ГЛАВА 4

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАКАТЕГОРИИ «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ТЕОРИИ ЯЗЫКА

4.1 Понятия «наблюдаемость», «перцептивность», «наблюденность», «наблюдательный»	137
4.2. Терминологическое оформление категории Наблюдатель в лингвистических концепциях.....	148
4.3. Иерархическая типология Наблюдателя картина мира.....	151
4.4. Наблюдатель в контексте лингвистических теорий	154
4.5. Лингвистический статус Наблюдаемого	162
4.5.1. Структурная многозначность понятия Наблюдаемо.....	162
4.5.2. Наблюдаемое как результат перцептивной полиmodalности	165
4.5.3. Наблюдаемое как результат пространственной категоризации мира.....	168
4.5.4. Внутреннее Наблюдаемое	169
4.5.5. Наблюдаемое как значимое отсутствие	171

ГЛАВА 5**СТАТУС НАБЛЮДАТЕЛЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: НАБЛЮДАТЕЛЬ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

5.1. Вступительные замечания.....	175
5.2. Наблюдатель как фиктивный актанта.....	182
5.2.1. Наблюдатель в семантике слов категории состояния	186
5.2.2. Наблюдатель в семантике прилагательных наречий	188
5.2.3. Наблюдатель в семантике существительных	194
5.3. Наблюдатель как реальный актанта	196
5.3.1. Предикаты собственно чувственного восприятия	198
5.3.2. Предикаты перцептивных действий	202
5.3.3. Предикаты показа	206
5.3.4. Предикаты «семиотических» действий	210
5.3.5. Предикаты кажимости.....	211
5.3.6. Предикаты смешанной семантики с перцептивным компонентом	213
5.3.7. Предикаты внутренней наблюдаемости.....	216

ГЛАВА 6**СТАТУС НАБЛЮДАТЕЛЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ:
НАБЛЮДАТЕЛЬ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

6.1. Категоризация Наблюдателя морфологическими средствами.....	219
6.2. Категоризация Наблюдателя синтаксическими средствами....	224

ГЛАВА 7**СТАТУС НАБЛЮДАТЕЛЯ В ДИСКУРСЕ**

7.1. Теоретические аспекты метаязыка коммуникативной прагматики.....	234
7.1.1. К вопросу о лингвистической прагматике	234
7.1.2. Перцептивная природа паралингвистики.....	238
7.2. Концептуализация Наблюдателя коммуникативными предикатами.....	245
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	258
БИБЛИОГРАФИЯ.....	261

ВВЕДЕНИЕ

Наше теоретическое исследование преследует цели, которые корнями своими уходят в проблемное поле практического и прикладного языкознания. Готовя специалистов в области «чужого» языка, будь то преподаватель или переводчик, мы преследуем единую главную цель: сделать их сведущими в области межкультурной коммуникации. Это означает, прежде всего, знакомство с языковой картиной мира, которая всегда культурно обусловлена, – и не только знакомство, но и, по возможности, приобретение нового взгляда на мир. Этот взгляд на мир формируется *перцептивно-когнитивным субъектом*, т.е. *наблюдателем* в результате *языковлечения приобретаемого опыта*. Недаром понятие «картина мира» является одной из центральных общенаучных, эпистемологических категорий. А ведь она отражает осознание представителями науки того факта, что мир, действительность, так называемая объективная реальность не существует вне перцептивно-категоризирующей деятельности *говорящего-наблюдателя*.

Одной из главных проблем языкознания является проблема перевода с одного языка на другой, коль скоро такой перевод означает переход из одной картины мира в другую. Оформленное в одном языке видение мира – его категоризация и концептуализация – отличается от образа мира, формируемого другим языком, поэтому так часто обсуждается проблема возможности или невозможности адекватного перевода в принципе. Во всяком случае, опытные лингвисты-переводчики предупреждают, что слишком часто попытки перевода, мягко говоря, далеки от совершенства, и что добросовестные и осознающие вышеуказанную проблему переводчики прибегают к множеству приемов для достижения целей адекватного перевода: культурологические, филологические, технические и лингвистические комментарии в сносках, обращения к специалистам, обращение к дополнительным специализированным текстам. Переводчики вынуждены писать многостраничные послесловия к переведенным книгам, в которых разъясняют особенности жанра переводимой книги, особенности авторского стиля, трудности, с которыми они столкнулись в процессе перевода, связанные с особенностями языка как такового, и языка самого автора, и т.п. Все эти частные проблемы перевода проистекают из одной главной проблемы различного видения мира, обусловленной разными языками, о чем в свое время было заявлено В. фон Гумбольдтом, Э. Сэпиром и Б.Л. Уорфом – родоначальниками теории языковой относительности.

Поскольку нормальный человек живет в языке («*A normal human being is a languaging human being*» [Kravchenko 2007b: 594]), мир не существует вне перцептивно-категоризирующей деятельности наблюдателя как языковой личности. Именно поэтому наблюдатель является важнейшим системообразующим фактором в языке [Кравченко 1993]. Осознание этого факта мотивирует интерес когнитологов и лингвистов к процессам восприятия мира как обязательного этапа когниции. Фигура наблюдателя – субъекта восприятия – становится на этом этапе главной ипостасью *homo sapiens*, и многое, очень многое в структурах, моделях категорий и концептов зависит от наблюдателя. Более того, эта зависимость прослеживается и становится коммуникативно значимой при создании и интерпретации текстов и/или дискурсов, включающих наблюдателя как категориальный, знаковый, когнитивно-семантический элемент, формирующий лексические, грамматические и текстовые смыслы.

Лингвистическая литература, представляющая теорию языка самых различных направлений и уровней, изобилует упоминанием фигуры наблюдателя. Авторы статей, тезисов, докладов, монографий и пр., анализируя все возможные параметры и ярусы языкового значения, включая его концептуальные, категориальные и метаязыковые аспекты, прибегают к таким понятиям, как «момент наблюдения», «наблюдаемость», «наблюдатель», «модусы наблюдаемости» и т.п., т.е. к самым различным категориально-терминологическим, метаязыковым контекстам «пробывания» наблюдателя. Такая «популярность» этой фигуры вполне закономерна, поскольку отражает процессы «перестройки» общенаучной модели мира.

Характерные для современной постнеклассической науки междисциплинарные теоретические концепции (синергетика, теория хаоса, теория диссипативных систем, фрактальная геометрия, антропный принцип космологии, когнитивные исследования), с одной стороны, связаны, в большей или меньшей степени, с науками о человеке. С другой стороны, они потрясают многовековой детерминизм западной науки, определяющий мир (объект человеческого познания) как объективный «механизм», подчиняющийся независимым от человека объективным, предсказуемым законам. Мир перестает мыслиться независимым от воспринимающего, наблюдающего человека, именно человека – но не научного, логического субъекта. В научный обиход входит понятие неоднозначности, характеризующее, в частности, восприятие – обыденное, научное, культурное, художественное. Главной фигурой при этом становится наблюдатель, именно *наблюдатель*, а не субъект восприятия, о чем речь пойдет в соответствующих разделах нашей работы.

Поскольку контекстами нашего анализа категории «наблюдатель» будут являться различные философские, эпистемологические, психологические и лингвистические теории, то уместно было бы определить наш подход как метатеоретический. Метатеории позволяют, как считают языковеды, систематизировать лингвистические знания, объединить конкретно-научные методологии, общенаучные знания и данные философии науки, поднимаясь «над концептуальными ограничениями отдельных лингвистических подходов ... при признании их дополнительной» [Вышкин 1999: 299]. Кроме того, как и любая конкретно-научная метатеория, лингвистическая метатеория имеет самое непосредственное отношение к общим проблемам эпистемологии и философии науки.

Каждая наука, как известно, имеет свою частную эпистемологию – теорию о взаимоотношении наблюдателя-исследователя (в нашем случае лингвиста) и наблюдаемого, исследуемого объекта познания (т.е. все те языковые феномены, процессы, факты, которые в принципе могут вызвать познавательный исследовательский интерес). При этом лингвистическая эпистемология, метатеория должна учитывать, в частности, следующие исследовательские задачи:

- решение методологических проблем – полностью осознанный выбор объекта/объектов исследования;
- использование целесообразного инструментария анализа: общих методов, частных, конкретных методик, понятийно-терминологического аппарата, моделей анализа;
- умение пользоваться данными других научных дисциплин, так чтобы они не мешали анализу, не усложняли его без нужды, а пополняли представление об объекте и облегчали его интерпретацию/описание;
- адекватное описание анализа, начиная с постановки проблемы (определения объекта) и заканчивая подведением значимых итогов.

Можно было бы дать развернутый анализ эпистемологических, метатеоретических проблем, но это вышло бы далеко за рамки нашего исследования и увело бы нас в сторону от нашего объекта как такового. Поэтому обратим внимание лишь на тот факт, что в любом исследовании все, в конечном итоге, зависит от личности исследователя как субъекта *научного наблюдения и познания*. Это один из решающих факторов, влияющих на характер использования и осмысления интересующей нас категории (да и любой категории как объекта анализа) в различных лингвистических концепциях. С позиции здравого смысла – обыденного либо научного – всякое исследование начинается с *наблюдения* (по крайней

мере, обязательно его включает), и в первую очередь в исследователе выступает «на авансцену» *наблюдатель*. Наблюдатель-исследователь, в свою очередь, является конкретной личностью, для которой характерны личностно обусловленные обыденные наблюдательские способности, которые суть *особый способ восприятия или наблюдения*. Особенности восприятия и наблюдения, таким образом, мотивируют осмысление наблюдателя любого уровня, а «когнитивный подход к исследованию языка исходит из того, что значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как *наблюдателю* и как носителю определенного опыта и знания» [Болдырев 2004: 24; курсив наш – Т.В.]. Более того, современные биокогнитивные теории языка отводят *главствующую* роль в формировании языкового значения *наблюдателю* – живому, биологическому организму в физической и социо-культурной среде, «с которой он вступает во взаимодействия, и на изменения которой он реагирует, находясь с ней в состоянии взимообусловленной каузации» [Кравченко 2004: 49]

Наблюдатель как воспринимающее человеческое существо изучается во всей совокупности антропологических исследований, так сказать, напрямую, «вживую»: материалом исследования являются реальные люди, личности как носители культуры, а целью исследования является изучение психологии (мышления, эмоций, восприятия, поведения и т.п.) личности, индивида. Что же является объектом и целью исследования человека-наблюдателя на лингвистическом уровне?

Во-первых, это наблюдатель как содержание обыденного сознания языковой личности, т.е. объективированная в языке (в семантике) совокупность знаний/верований/представлений о наблюдателе. Материалом изучения в таком случае является язык (использование языка) «первого порядка», т.е. естественный язык, содержащий эксплицитную информацию о семантизации и/или концептуализации интересующей нас категории наблюдателя в обыденной картине мира языка.

Во-вторых, это наблюдатель как языковая личность, т.е. человек в его когнитивно-дискурсивной, коммуникативной деятельности. Такая «человеческая» модель лингвистического анализа выступает как «совокупность коммуникативно-значимых характеристик» [Карасик 2004:360], определяющих, прежде всего, коммуникативно-поведенческий статус людей, заключающийся в ориентирующем взаимодействии участников коммуникации [Кравченко, в печати]. Параметрами для определения этих характеристик являются как данные изучения коммуникативного поведения в дискурсе, так и данные собственно языкового материала (лексикона, грамматики, идиоматики).

В-третьих, это наблюдатель (в различных ипостасях), который существует в «незримой» семантике [Правикова 1999] в качестве «кварков», «квантов», категорий-гиперонимов, понятийных категорий-универсалий, т.е. в самом глубинном, имплицитном слое семантики. Такой наблюдатель – это наблюдатель уровня наивной картины мира: не входящий в языковое сознание, существующий на интуитивном уровне; он выделяется, выводится к научному осознанию лингвистами в качестве понятия и/или термина метаязыка (языка второго порядка). Метаязык принадлежит лингвистической эпистемологии, и любая его категория, рассматриваемая как объект изучения либо как инструмент анализа языка-объекта, имеет право на исследование в рамках языкознания. При этом релевантная информация о соответствующей категории может поступать также из данных других наук, обеспечивая интегративный подход и междисциплинарную значимость исследования.

В-четвертых, осознаваемая всеми необходимость интегративных исследований человека в гуманитарной парадигме побуждает нас обращаться к научной картине мира, научному дискурсу для уточнения и пополнения данных анализа обыденного языка, сознания, подсознания сведениями о научном осмыслении интересующей нас категории, учитывая ее все нарастающую и расширяющуюся методологическую востребованность.

Итак, объектом нашего интереса является категория «наблюдатель». Он выступает, прежде всего, как когнитивная, эпистемологическая категория, поскольку мы придерживаемся того взгляда на язык, что «первичным фактором, ключом к пониманию устройства языка может быть только Наблюдатель ... и его, Наблюдателя, описания взаимодействий, с которыми он, в свою очередь, взаимодействует посредством языка» [Кравченко 2001a: 183]. Априорное, «доязыковое» существование наблюдателя как субъекта восприятия (включая и восприятие речевого акта) обуславливает необходимость приписывания (на гносеологическом/когнитивном уровне, уровне философии языка) признака «когнитивный» исследуемой нами категории. Поскольку наблюдатель обнаруживает себя во множестве случаев в языковом узусе – в семантике языковых единиц различного уровня (лексического, грамматического, текстового), то максимально уместной будет для этой категории определение «семантическая», тем более что понятие «когнитивный» в современных взглядах на познание и язык включает в себя понятие «семантический». Наблюдатель возникает и в процессе коммуникации, при интерпретации речевых актов, а значит необходимо оговорить и праг-

матические характеристики наблюдателя, которые входят составной частью в определение «когнитивный».

Многоплановость, «многослойность» категории «наблюдатель» ведет к необходимости отдельного рассмотрения каждого из категориальных аспектов, которому должны соответствовать своя аксиоматика и методология изучения этой категории.

Несмотря на интенсивное (и экстенсивное) использование этого понятия во множестве лингвистических исследований, статус наблюдателя всегда был инструментальным. Думается, что наблюдатель (в общенаучном статусе), *наблюдатель* (в статусе лексикализованной категории обыденного и научного языка) и Наблюдатель (в статусе концептуально-семантического элемента языковой системы) заслужил право стать объектом самостоятельного анализа как в рамках научного, так и обыденного дискурса.

Общей целью нашего метатеоретического исследования, таким образом, является анализ, квалификация, характеристика, описание различных способов концептуализации/осмысления категории «наблюдатель» как методологического инструмента в общенаучном дискурсе, в философии языка и в лингвистических концепциях. Объектом фрагментов эмпирического исследования послужил материал двух языков – русского и английского. Исходя из общей цели, нам предстоит решить следующие, более конкретные задачи:

- уточнить степень объективности/субъективности языковой научной картины мира в ее отношении к обыденной и «наивной» картине мира, учитывая то обстоятельство, что научная картина мира обычно не является предметом языкового анализа, за исключением фрагментов терминологической системы;
- установить различие между (узкоспециальными) терминами и общенаучными категориями – метакатегориями универсального статуса и определить характер универсальных метакатегорий на примере категории «наблюдатель»;
- рассмотреть и описать способы концептуализации наблюдателя в текстах научного дискурса – философии науки, психологии, философии языка;
- рассмотреть и описать способы концептуализации наблюдателя в языкознании;
- определить расширенный статус «наблюдателя» как перцептивно-когнитивной категории, выходящей за пределы редукционистской интерпретации в терминах так называемого собственно восприятия;

-
-
- сконструировать теоретическую когнитивную модель ситуации наблюдения, определить статус ее компонентов, их связь и взаимозависимость;
 - ввести и определить понятие «наблюдаемое», позволяющее уточнить представление о наблюдателе и расширить его аналитический потенциал;
 - разработать типологию/классификацию наблюдателей (онтологическую, эпистемологическую, терминологическую), способствующую стандартизации терминологии когнитивно-прагматического анализа;
 - исследовать имеющиеся и предоставить новые эмпирические данные анализа русского и английского языка с использованием метакатегории «наблюдатель» в различном понятийно-методологическом осмыслении.